

Янь Цзин

Yan Jing

аспирант кафедры политологии
Восточного института – Школы региональных
и международных исследований
Дальневосточного федерального университета

PhD student, Political Science Department,
Institute of Oriental Studies – School of Regional
and International Studies,
Far Eastern Federal University

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РФ И КНР

ENERGY FACTOR AS AN ELEMENT OF MODERN RUSSIA AND CHINA'S FOREIGN POLICY STRATEGY

Аннотация:

В статье анализируется использование энергетического фактора в контексте реализации внешнеполитической стратегии РФ и КНР на современном этапе. Отмечаются изменения в текущих геополитической конъюнктуре и внешнеполитической методологии, определяются факторы, обеспечивающие устойчивое развитие двустороннего конструктивного сотрудничества между названными странами. Указывается характер изменений в методологии осуществления внешнеполитической деятельности, которые связаны с повышением значимости технологий «мягкого влияния», реализуемых посредством применения преимущественно социально-экономического потенциала государства. Подчеркивается, что для России и Китая в качестве такого фактора выступает потенциал ТЭК. Рассмотрены особенности современной внешнеполитической стратегии двух стран, в связи с чем сделан вывод о наличии двух разнонаправленных «контуров» энергетического фактора во внешнеполитической стратегии обоих государств, оказывающих противоречивое воздействие на состояние и перспективы развития двухсторонних отношений.

Ключевые слова:

геополитика, энергетическая дипломатия, «мягкая сила», многополярный мировой порядок.

Summary:

The paper examines the use of energy factor in the context of implementing the foreign policy strategy of Russia and China at the present stage. There have been changes in the current geopolitical situation and foreign policy techniques. The factors ensuring a sustainable development of bilateral constructive cooperation between Russia and China are defined. The research notes the nature of changes in the methods of foreign policy related to the increasing significance of the soft power technologies that are primarily implemented through the social and economic capacity of the state. The author emphasizes that the capacity of the energy industry refers to such a factor in Russia and China. The study discusses the features of the modern foreign policy strategy of the states under review. It is concluded that there are bi-directional circuits of the energy factor in the foreign policy of both countries, and they have a controversial impact on the state and prospects of development of bilateral relations.

Keywords:

geopolitics, energy diplomacy, soft power, multipolar world order.

Становление постиндустриального общества стало ключевым фактором трансформации мировой системы международных отношений. Центральной особенностью этих изменений является становление нового инструментария реализации внешнеполитической стратегии. Квалификация военной агрессии в качестве международного уголовного преступления, влекущего за собой жесткие юридические последствия, способствовало переводу международных противоречий в латентную стадию, периодически активизирующихся в форме локальных конфликтов.

В таких условиях существенно возросла роль политических технологий «мягкого влияния», которые следует рассматривать как качественно иное средство реализации внешнеполитических стратегий ведущих стран мира. Представляется, что концептуально ее содержание определил американский политолог Дж. Най, в середине XX в. сформулировавший рассматриваемую концепцию. Политолог, анализируя возможности оказания влияния, констатировал, что «современные нации, как правило, располагают тремя основными способами достижения власти: путем использования угрозы силой, добиваясь согласия с помощью вознаграждений и прибегая к методам "мягкой власти"». При этом для Дж. Най «мягкая сила» (soft power) – это не только собственно воздействие (influence), но и «привлекательность» (attractive power). Ресурсами такой силы в мировой политике выступает все то, что «вдохновляет и привлекает» к источнику соответствующего влияния, позволяя тому, кто его контролирует, добиваться желаемого результата.

На наш взгляд, наиболее перспективным подходом к пониманию сущности категории «влияние» является следующее определение: «Влияние (influence) – способность политического действующего лица (политического актора) желательным для него самого образом воздействовать на поведение других. Успешное употребление влияния может вызвать изменения (или воспрепятствовать нежелательным изменениям) в склонностях, мнениях, установках и убеждениях, а также непосредственно в поведении» [1].

При этом сущностное содержание внешнеполитических стратегий практически не изменилось – большинство ведущих государств мира по-прежнему рассматривают в качестве ключевого приоритета своей геополитической стратегии доминирование в отдельных регионах мира (Российская Федерация, Китайская Народная Республика, страны Евросоюза) либо во всем мире (стратегия глобального доминирования, реализуемая в настоящее время Вашингтоном).

В качестве фундаментального основания реализации технологий «мягкого влияния» следует рассматривать ресурсную базу, которой обладает то или иное государство, поскольку несомненно, что современный этап развития человеческой цивилизации существенно обостряет проблему ограниченности ресурсов. Для РФ и КНР такой базой являются энергетические ресурсы. В связи с этим энергетический фактор необходимо воспринимать в качестве ведущего компонента внешнеполитической стратегии двух стран. Анализ данного факта составляет предмет исследования настоящей статьи.

Переходя к рассмотрению этого вопроса, необходимо отметить, что особенности современной внешнеполитической конъюнктуры (в первую очередь осуществление жесткой санкционной политики в отношении России и повышение «градуса» противостояния КНР американской стратегии глобального доминирования), а также долгосрочные приоритеты социально-экономического развития двух стран обусловили совпадение их стратегических внешнеполитических приоритетов.

Для Российской Федерации экспорт энергоресурсов в настоящее время является не только фактором обеспечения внешнеполитического влияния, но и ключевым способом, гарантирующим макроэкономическую стабильность в условиях санкций. Благодаря потенциалу топливно-энергетический комплекс (далее – ТЭК) выступает важнейшим структурным элементом экономики РФ, одним из центральных факторов увеличения производительности труда, жизнедеятельности производительных сил и населения государства. В рамках ТЭК производится около 30 % промышленной продукции России, обеспечивается примерно 50 % ее экспортного потенциала. Основные фонды ТЭК составляют треть часть производственных фондов страны [2, с. 145]. Указанные обстоятельства обуславливают ключевое направление российской «энергетической дипломатии», а именно – поиск выгодных и долгосрочных вариантов осуществления экспорта энергоресурсов.

Для Китайской Народной Республики, одного из ведущих субъектов современной геополитики, сотрудничество с РФ в энергетической сфере позволяет разрешить одну из наиболее важных проблем социально-экономического развития, вызванную необходимостью обеспечения устойчивого экономического роста. По данным Национального энергетического бюро КНР в 2010 г. производство нефти в Китае достигло 200 млн т, а ее импорт – 239 млн т, т. е. республика импортировала более половины общего объема нефти. Согласно прогнозу китайских ученых, в 2015 г. степень зависимости Пекина от импорта нефти достигнет 60 %, а к 2020 г. – приблизится к 65 %. Таким образом, в целях снижения риска зависимости от энергетического импорта КНР необходимо ускорить изменение структуры поставок энергоресурсов, воплотить в жизнь стратегию «диверсификации энергоисточников» [3, с. 96].

В связи с этим внешнеполитическая стратегия КНР на современном этапе основывается на потребности в поставках недостающих природных энергоносителей, металлов и стратегического сырья, требуемых для поддержания постоянно повышающегося жизненного уровня 1,3 млрд населения. Для решения данной задачи китайское руководство выстраивает выгодные экономические и политические отношения со странами, которые обладают этими ресурсами [4, с. 145–146]. Естественно, что сотрудничество с РФ рассматривается в качестве ключевого механизма, обеспечивающего эффективную реализацию подобной стратегии.

Указанные обстоятельства обуславливают направленность «внутреннего» контура энергетической дипломатии двух стран, который выражается в построении долгосрочного взаимовыгодного двустороннего сотрудничества. В настоящее время эта стратегия реализуется весьма эффективно, поскольку факты убедительно доказывают, что основным трендом ее развития является тенденция к укреплению и расширению, сформировавшаяся в результате заключения на правительственном уровне специальных соглашений между государствами. Отметим, на наш взгляд, наиболее значимые из них.

– Межправительственное соглашение 1992 г., определившее основные принципы торговли и экономического сотрудничества между двумя странами. Данный документ создал условия для заключения соглашений в сфере энергетики между отдельными юридическими лицами.

– Межправительственное соглашение 1996 г. о совместном развертывании сотрудничества в энергетической сфере, которое предусматривало осуществление совместных исследований в рамках проекта по созданию нефте- и газопровода для транспортировки природного газа из Восточной Сибири в Китай, а также партнерство в электроэнергетической области.

– Межправительственное соглашение 2000 г. о продолжении сотрудничества в энергетической области, в котором было предусмотрено развитие партнерских отношений в сфере нефтяной промышленности. В частности, речь шла о проекте строительства трубопровода для транспортировки нефти из России в Китай.

– Подписание в 2006 г. межправительственного Протокола о поставках в КНР природного газа в объеме 68 млрд м³ в год. Данный документ предусматривал поставку российского газа из Единой системы газоснабжения России, строительство в Китае газотранспортных и газораспределительных систем, взаимодействие по проектам в области геологоразведки, добычи, транспортировки и реализации газа, строительство и эксплуатацию подземных хранилищ газа.

– Одобрение в 2009 г. на правительственном уровне Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири с провинциями Северного Китая до 2018 г., предусматривающей масштабное строительство объектов энергетической сырьевой инфраструктуры.

При этом реализация указанных межправительственных соглашений была гарантирована в ходе многочисленных встреч глав двух государств в разных международных форматах начиная с 2006 г. В рамках чрезвычайно благоприятного контекста развития двусторонних взаимоотношений в энергетической сфере были заключены выгодные коммерческие контракты между основными субъектами ТЭК – государственными нефтяной и электросетевой корпорациями КНР и естественными монополиями РФ, в первую очередь «Газпромом», «Роснефтью» и РАО «ЕЭС России».

С 2016 г. Китай продолжал наращивать импорт нефти из Российской Федерации, рост в годовом выражении составил 23,7 % – до 52,48 млн т, в результате чего Россия обогнала по объемам экспортных поставок Саудовскую Аравию. Помимо торговли энергоресурсами КНР и РФ в настоящее время содействуют интегрированному развитию всех звеньев энергетики. В секторе «ап-стрима» Китай принимает участие в долевых проектах на Ямале. В секторе «даунстрима» можно отметить успешную реализацию проекта по строительству китайско-российского нефтеперерабатывающего завода в Тяньцзине, ввод в эксплуатацию которого намечен на 2020 г. [5].

Итак, сказанное позволяет сделать однозначный вывод, что реализация энергетического фактора во внешнеполитической стратегии КНР и РФ способствует эффективному разрешению стратегических задач двух стран, связанных с обеспечением устойчивого и долговременного поступательного экономического развития. Кроме того, представляется, что именно данный фактор обеспечивает консолидированную союзническую позицию государств на международной арене, что в свою очередь выступает залогом сохранения геополитического баланса.

Так можно охарактеризовать один из аспектов реализации энергетического фактора во внешнеполитической стратегии двух стран, который условно определим как его «внутренний контур». Другую сторону рассматриваемого фактора условно можно обозначить как «внешний контур». Его направленность определяется внешнеполитическими амбициями РФ и КНР, стремящихся обеспечить многополярность мира, обозначив свое влияние в ключевых регионах мира.

Географическое положение России, масштабы ее территории, а также юридическая преемственность от СССР делают неизбежной реализацию активной геополитической позиции, направленной на восстановление сферы влияния советского периода. Для решения этой задачи активно используется энергетический фактор, о чем свидетельствуют принятые на высшем государственном уровне программные документы, определяющие внешнеполитическую стратегию РФ, в первую очередь Энергетическая стратегия развития РФ до 2020 г.

В данном документе поставлена двуединая задача: во-первых, дальнейшее эффективное использование национального энергетического потенциала в качестве конкурентного преимущества на межрегиональной и мировой политических аренах; во-вторых, в контексте реализации первой части задачи, установление строгого контроля за энергетической отраслью со стороны президента и Правительства РФ. Он должен выражаться в однозначном одобрении указанными властными структурами всех значимых экономических решений, принимаемых в сфере ТЭК, установлении госнадзора за основными субъектами ТЭК и его инфраструктурой, в том числе за счет поэтапного ограничения влияния иностранного капитала.

С точки зрения авторов рассматриваемого документа, основным содержанием российской политики в сфере энергетической безопасности являются устойчивое обеспечение спроса достаточным количеством энергоносителей стандартного качества; эффективное использование энергоресурсов путем повышения конкурентоспособности отечественных производителей; предотвращение возможного дефицита топливно-энергетических ресурсов; создание стратегических запасов топлива, резервных мощностей и комплектующего оборудования; обеспечение стабильности функционирования систем энерго- и теплоснабжения. В конечном счете в рамках обозначенной модели предполагается оказывать дальнейшую государственную поддержку, в том числе на дипломатическом уровне, в целях реализации активной экспансионистской тактики на внешнем рынке [6].

Таким образом, очевидно, что сегодня на высшем государственном уровне декларируется стремление использования потенциала отечественного ТЭК в качестве ключевой технологии «мягкой силы», обеспечивающей реализацию традиционной для XX в. внешней политики РФ великодержавной, имперской направленности.

Согласимся с мнением С.З. Жизнина о том, что задача РФ в качестве одного из основных сухопутных полюсов в Евразии сводится к максимальному расширению влияния на те зоны, которые лежат между ее сухопутной территорией и акваторией, омывающей Евразийский континент, и

их максимальной интеграции в стратегическом и экономическом плане. При этом геоэкономический подход России к энергетическим ресурсам состоит в создании единой ресурсодобывающей, ресурсоперерабатывающей и ресурсотранспортной сферы на максимально широком пространстве материка. Консолидация евразийских ресурсов в единой системе их транспортировки усилит общий геоэкономический потенциал России в Евразии и, следовательно, в мире [7, с. 15].

Нужно отметить, что указанная стратегия сегодня успешно реализуется. РФ, обеспечив по сути безальтернативный характер потребления ее энергоресурсов ключевыми европейскими государствами, удачно и последовательно противодействует Вашингтону в традиционной для него, начиная со времени окончания Второй мировой войны, сфере влияния. В результате консолидированная позиция европейского сообщества относительно санкционной политики, реализуемой в отношении РФ в связи с событиями на Украине 2014 г., становится все менее устойчивой и последовательной. На наш взгляд, именно зависимость от российских энергоресурсов в условиях методичной переориентации «экспортного вектора» РФ на Восток в краткосрочной перспективе станет ключевым фактором давления в области изменения отношения к действиям России в «украинском вопросе», в первую очередь на территории полуострова Крым.

Другим свидетельством успеха реализации энергетического фактора в контексте активной экспансионистской внешнеполитической стратегии РФ является создание в краткосрочной исторической ретроспективе устойчивого внешнеэкономического Евразийского союза, объединяющего при ведущем положении России всех стратегически важных членов СНГ. Представляется, что ЕАЭС в некотором смысле можно сравнивать с Союзом экономической взаимопомощи, который стал мощным основанием «социалистического лагеря».

Таким образом, «внешний контур» реализации энергетического фактора во внешнеполитической стратегии РФ объективно способствует трансформации мировой геополитической ситуации в направлении денонсации однополярного порядка под эгидой США. Вместе с тем на практике данные изменения ведут к осложнению геополитической обстановки, реанимированию подходов, характерных для холодной войны. В то же время, как представляется, ответственность за такое развитие событий в большей степени лежит на государствах Североатлантического альянса, отказывающихся принимать возрождение внешнеполитического статуса РФ.

Во многом аналогичным с РФ образом пытается использовать энергетический фактор в своей дипломатии и КНР. Оценка внешнеполитических мероприятий Пекина в краткосрочной исторической ретроспективе позволяет согласиться с мнением, что обеспечением энергетической безопасности для успешного развития своей экономики цели «энергетической дипломатии» Китая не ограничиваются. Она служит также инструментом для наращивания присутствия и влияния на «заднем дворе» других гигантов – таких как США и Россия. Эта политика тесно связана с реализацией его новой концепции границ (т. е. с определением стратегической границы, которая может проходить и за пределами существующей географической границы) [8, с. 100].

При этом следует отметить очевидные успехи реализации КНР указанной стратегии. Первоначально направленная на близлежащие страны – Россию, Казахстан и другие государства Центральной Азии с богатыми ресурсами углеводородов, характеризующиеся относительно стабильной политической обстановкой, – эта политика позволила со временем приступить к экспансии во всех четырех направлениях и на всех континентах. На севере Китай выстроил прочные отношения с Россией – одной из мировых кладовых природных ресурсов. На юге он имеет тесные отношения с такими странами, как Индонезия, Малайзия, Вьетнам, Таиланд. Активно развивает отношения с африканскими странами. На востоке помимо концентрации усилий на использовании морского шельфа Пекин участвует в разработке месторождений и закупке нефти из таких далеких стран, как Австралия, Венесуэла, Бразилия. На западе его политика нацелена на получение доступа к нефтяным богатствам центральноазиатских государств, прежде входивших в состав СССР [9, с. 100].

Все это позволяет предположить неоднозначное влияние энергетического фактора, реализуемого во внешнеполитической стратегии РФ и КНР, на характер их двусторонних отношений. Так, если «внутренний контур» энергетической дипломатии обеспечивает странам взаимовыгодное сотрудничество в долгосрочной перспективе, то «внешний», очевидно, способствует формированию радикальных противоречий между ними, которые связаны с «пересечением» внешнеполитических амбиций в качестве «великих держав». В конечном счете развитие этих разногласий может привести к атмосфере недоверия в двусторонних отношениях, что существенным образом осложнит внешнеполитическое положение государств и, соответственно, облегчит стратегическое планирование геополитических раскладов Вашингтону. Возможность такого развития событий сегодня уже подтверждается ситуацией в среднеазиатских государствах, где происходит конкурентное столкновение российских-китайских интересов в энергетической сфере.

В связи с этим представляется, что заключение с государствами Центральной Евразии соглашений о поставках энергоресурсов в Китай и строительство экспортных трубопроводов создают

качественно новую геополитическую ситуацию в этом регионе, существенным образом ослабляя региональные позиции РФ. Кроме того, очевидно, что вследствие возникновения альтернативной сети транзита нефти Россия неизбежно понесет экономический ущерб от сокращения объемов транспортируемых с Каспия природного газа и нефти. Вместе с тем препятствовать этому процессу Российская Федерация уже не в состоянии, поскольку энергетические интересы Китая отвечают запросам центральноазиатских республик, заинтересованных в новых рынках сбыта.

С учетом сказанного считаем, что РФ и КНР должны четко определить приоритеты при использовании энергетического фактора в контексте собственной внешнеполитической стратегии. Главы государств обязаны реализовывать конструктивный потенциал двустороннего сотрудничества в качестве фактора мировой геополитической стабильности. В связи с этим единственным вариантом преодоления данных противоречий является разграничение сфер энергетического влияния, возможное и в рамках «тайной дипломатии», практика которой все чаще реанимируется евро-атлантическими внешнеполитическими акторами.

Ссылки:

1. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М., 2006. 397 с.
2. Гуреева М.А. Экспорт энергоресурсов как фактор экономической безопасности и экономического роста России // Инновационная наука. 2005. № 9. С. 145–152.
3. Фэн Тинтин. Развитие российско-китайского энергетического сотрудничества // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 96–103.
4. Хлопов О.А. Российско-китайское энергетическое сотрудничество в контексте глобальных геоэкономических изменений // Вестник РГТУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Востоковедение. 2012. № 7. С. 140–152.
5. 郭晓琼. «新常态»下中俄经贸合作的新进展及新思路 [Электронный ресурс]. URL: <http://elsxk.hjju.edu.cn/info/1119/2287.htm> (дата обращения: 21.12.2017).
6. Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения: 21.12.2017).
7. Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия : учебное пособие. М., 2002. 189 с.
8. Као Д.М. «Энергетическая дипломатия» Китая и ее влияние в сопредельных регионах // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 98–105.
9. Там же. С. 100.